

Стражи у дверей поспешили подхватить своего Главу Павильона, помогая ему подняться.

Все старейшины смотрели на эту сцену в немом ужасе: Чи Юйфэн был одним из двадцати трёх мастеров стадии Выхода из Тела, опора всей Цзючжоу, человек, чьё имя вызывало трепет даже среди глав других сект, а теперь он был отброшен назад всего лишь одним взмахом руки, будто пушинка перед ураганом.

Этот момент обнажил истину, слишком страшную, чтобы её признать: сила древнего духа превосходила всё, что они могли себе представить.

Зал погрузился в тишину, такую глубокую, что казалось, можно было услышать, как падает пылинка.

Лицо Чи Юйфэна исказилось от ярости и унижения. Он едва успел выпрямиться, как вновь раздался спокойный, почти задумчивый голос:

— Я ещё не спрашивал... Что же сделал Глава Павильона Чи? Отчего этот господин потерял контроль?

Тхук!

Сердце его судорожно сжалось.

Он чуть не забыл, что это он начал всё это. Это он раскрыл сосуд с кровью, он попытался подчинить того, кого нельзя было подчинить.

Но теперь, чувствуя на себе взгляды своих людей, он мгновенно сменил маску. Гнев исчез, словно его и не было. Вместо него, на лице расплылась забота, тревога и почти сострадание.

— Когда Владыка Лампы вступил в контакт с кровью феникса, — произнёс он торжественно, — вы внезапно погрузились в глубокий сон. Мы тут же начали лечение, использовали все доступные средства, чтобы стабилизировать ваше состояние. Нашей единственной целью было сохранить вас для мира культивации.

Каждое слово звучало так искренне, а каждое движение было наполнено таким благородством, что сложно было представить, что в этот самый момент в своем уме он уже составлял новый план.

« Нужно подать себя как жертву. Заявить, что столкновение древних кровей чуть не уничтожило сокровище павильона. Обвинить невидимую силу. Вызвать сочувствие. Добиться морального превосходства. » — перечислял он в голове.

— Ах, — произнёс Цзян Синчжи, кивнув, будто только что понял. — Неудивительно.

Пауза.

— Ведь эта капля древней крови феникса... была поддельной. — С легкой грустью в голосе, добавил он.

Чи Юйфэн резко вскинул голову:

— Невозможно!

— Разве сам Глава Павильона не сомневался в её подлинности? — продолжил Цзян Синчжи, слегка касаясь ладонью груди, точно над сердцем. — Вы же поэтому пригласили меня, чтобы подтвердить подлинность.

Чжун Мин бросил на него короткий взгляд.

В этом прикосновении к груди, он увидел нечто большее, чем театральность. Там, под одеждой, хранилась красная Лунная Жемчужина... где теперь, возможно, пульсировала и сама кровь феникса.

— Не может быть! — Взревел Чи Юйфэн — Древняя кровь гарантированно настоящая.

Остальные старейшины в недоумении переглянулись. Взгляды их были полны сомнений.

Если кровь была настоящей... тогда почему Владыка Лампы не подчинился? Почему вместо покорности последовал ураган? Почему формации не сработали?

И главное ... почему сосуд ударил самого Чи Юйфэна?

На его лбу до сих пор красовалась огромная шишка, как живое напоминание о том, что что-то здесь явно пошло не так.

Чи Юйфэн, услышав это, едва не закричал от бессилия.

Какая ещё подделка?! Это же была настоящая кровь! Просто кто-то её заменил!

Но эти глупцы перед ним, эти доверчивые, ограниченные люди, уже начали верить в эту ложь, будто она была божественным откровением.

Кровь прилила к голове. Ярость захлестнула разум.

Он схватил медный подсвечник, пламя которого дрожало в его руке, освещая лицо, искажённое безумием:

— Кровь феникса не тает в огне, не растворяется в воде! Одна капля способна пробить золото и камень! При контакте с кровью — смерть неминуема! Смотрите внимательно!

Цзян Синчжи: ...

Чжун Мин: ...

Оба молчали.

Ну надо же...

— Прошу, — сказал Цзян Синчжи вежливо, склонив голову. — Продемонстрируйте.

Под взглядами всех присутствующих Чи Юйфэн презрительно фыркнул и достал из сосуда ту самую «кровь феникса», держа её над пламенем:

— Как может сокровище моего Павильона Циньфэну быть...

Вжух!

Капля мгновенно вспыхнула, окутавшись пламенем, и начала шипеть, как воск.

Плюх!

Она должна была упасть на пол, но прежде чем это случилось, Цзян Синчжи едва заметно двинул божественным сознанием и капля испарилась в воздухе, не оставив следа.

Пламя погасло. Над подсвечником остался только запах горелого воска.

Старейшины остолбенели.

— Подделка... — прошептал один.

Стражи переглянулись.

— Поддельная... — выдохнул другой.

Чи Юйфэн стоял, как окаменевший. Глаза его широко раскрылись, зрачки сузились, словно он видел не разгромленный зал, а обрушивающийся мир.

— Где... — хрипло прошептал он. — Где моя настоящая кровь феникса?!

Цзян Синчжи ответил спокойно, почти участливо:

— Возможно, узнав о своём разоблачении, она устыдилась и скрылась.

Чи Юйфэн: ...

Тхух.

Закатив глаза, он снова рухнул на пол без сознания.

В зале повисла тишина.

Цзян Синчжи, глядя на распростёртое тело Главы Павильона, тихо вздохнул:

— Вот зачем нужно учить историю.

Не то чтобы он хотел быть жестоким, просто некоторые люди никогда не учатся на ошибках.

Цзян Синчжи проявил удивительное терпение. Он спокойно пил чай в павильоне Ваньюань, любуясь закатными облаками над отвесными скалами, рядом с ним сидел молчаливый, как тень утёса, Чжун Мин, его присутствие не требовало слов, только лёгкое давление в воздухе, которое могли ощутить лишь те, кто знал цену тишине.

Они ждали, пока солнце не начало медленно скользить за западные горы, прежде чем Чи Юйфэн, наконец, пришёл в себя во второй раз, поддерживаемый двумя старейшинами, будто он был не мастером стадии Выхода из Тела, а человеком, сломленным не силой, а собственной слепотой, идущим по краю внутреннего обрыва, где каждый шаг отзывался болью в сердце. Когда его ввели обратно в павильон, всё вокруг оставалось прежним: восемь углов, обращённых к далёким пикам, фонари, мерцающие в вечерних сумерках, ветер, шепчущийся с соснами, но дух этого места уже изменился, как если бы сама реальность сместилась после бури. Те же люди, те же лица, тот же каменный пол, но теперь между ними лежала пропасть — пропасть понимания, доверия, власти.

Раньше Чи Юйфэн входил сюда как хозяин, как Глава Павильона, чьи слова становились законом; теперь он опускался на сиденье, будто проситель, чья судьба уже решена чужими руками. Он не просто потерпел поражение — он потерял всё: свой план, свою гордость, веру своих людей, даже право называть себя тем, кто управляет судьбой древней силы. Внутри было пусто, как в выжженной земле после пожара, где больше не может расти ни одна трава, ни один побег надежды.

А напротив него сидел бледный Цзян Синчжи, с лёгкой дрожью в руках, время от времени прикладывая ладонь ко рту, чтобы сдержать приступ кашля, глаза его были затуманены, дыхание — прерывистым, словно он действительно только что пережил истощающий духовный шторм, и теперь едва держался на грани сознания. Он выглядел так, будто был не тем, кто вызвал ураган в зале формаций, а жертвой, случайно оказавшейся в эпицентре катастрофы, невинной душой, которую пытались очистить, но вместо этого чуть не разрушили.

— Не волнуйтесь, Глава Павильона Чи, — произнёс он мягко, голос его дрожал, но в этой дрожи чувствовалась странная мягкость, почти сострадание. — Я не стану распространяться о том, что в вашем Павильоне Циньфэну хранится поддельная кровь феникса. И уж тем более не буду упоминать, что эта самая поддельная кровь вышла из-под контроля и чуть не уничтожила всех Владык Лампы в мире.

Каждое слово было выбрано с точностью хирурга, каждая интонация — продумана до мельчайших деталей. Он не угрожал открыто, не говорил о мести или расплате, он просто озвучил последствия, как будто они были неизбежны, как если бы уже начали происходить. А фраза «всех Владык Лампы» — это не ошибка, это выстрел в сердце всех великих семей и сект, которые мечтали о такой силе: ведь если даже Павильон Циньфэну не смог её контролировать, то кто сможет? Одним предложением он посеял сомнения, страх, и возможно будущую вражду, сделав это так изящно, что никто не мог обвинить его в провокации.

Чи Юйфэн плотно сжал веки, зубы скрипнули, и сквозь них вырвались сдавленные слова:

— Это... бесконечно великодушно с вашей стороны, Владыка...

Боясь, что дальнейший разговор вызовет у собеседника демонов сердца, Цзян Синчжи плавно сменил тему, будто забросил камешек в глубокий колодец:

— Кстати... когда я был в том полусознательном состоянии, мне в кошмаре послышался голос... что-то о «тайном мире Конкюань». Вы когда-нибудь слышали о таком?

Слова «тайный мир» были как магнит для любого культиватора. Сокровища, уникальные техники, шанс на прорыв — всё, о чём мечтают даже самые великие мастера. Даже после всего произошедшего внимание Чи Юйфэна на миг отвлеклось, как будто в этом вопросе была капля света в его тёмном мире. Он обменялся взглядами со своими старейшинами и стражами:

— Никогда не слышали.

Цзян Синчжи задумался, потом спросил снова:

— А о месте под названием Юйху слышали?

В прошлый раз, вход в тайный мир Конкюань открывался над центром этого озера. По краям была вода, которая не держала даже перо. А само пространство зависало в воздухе, как пузырь света.

Чи Юйфэн уже не имел сил говорить. Он лишь слабо кивнул старшему старейшине.

— О Юйху не слышали, — ответил тот. — Но есть Озеро Юйпо. Говорят, бесчисленные культиваторы отправлялись туда и не возвращались. Все стали призраками на дне озера — оттого и название.

Цзян Синчжи задумался, глаза его потемнели, как будто он видел не стену перед собой, а отражение далёкого прошлого. Потом уточнил местоположение — оно совпадало с тем, что он помнил. Значит, время приближается. Пространство, которое должно было остаться легендой, начинало пробуждаться, и если даже Шесть Великих Высших Сект ничего не знают — значит, кто-то скрывает правду, или сам мир ещё не готов к тому, что приближается.

Встреча давно потеряла смысл.

Чи Юйфэн больше не хотел видеть лица Цзян Синчжи.

Они распрощались формально, без лишних слов.

Но перед тем как войти в карету, Цзян Синчжи вдруг повернулся, подошёл к поверженному Главе Павильона и жестом, полной почти отеческой заботы, легко похлопал его по плечу. Выглядело это так, будто он прощал ребёнка, который слишком высоко залез и упал.

— Глава Павильона Чи, — сказал он тихо, — не забывайте наставление, которое я вам дал.

Наставление?

Чи Юйфэн недоумённо замер.

Только когда занавески кареты закрылись, а та, приведённая в движение духовной энергией, стремительно понеслась через горные хребты, оставляя позади гулкие звоны колокольчиков, он вдруг вспомнил.

И в этом воспоминании была вся его боль и весь его позор.

Культивируй больше. Мечтай меньше.

Карета летела на запад, навстречу закату.

Цзян Синчжи сидел у окна, листая древний свиток с поэзией, но взгляд его был прикован к горизонту, где небо пылало золотом и багрянцем. Ветер разведал его высокий хвост, и несколько тонких мягких прядей, как живые, скользили по лицу Чжун Мина.

Цзян Синчжи всё ещё перебирал в уме полученную информацию. Павильон Циньфэну — одна из Шести Великих Высших Сект. Если даже они не слышали о тайном мире Конкюань, значит, другие, скорее всего, тоже в неведении. Но полностью исключать возможность нельзя. Значит, нужно будет посетить все крупные секты. Присмотреться. Пощупать почву.

— О тайном мире думаешь?

Голос Чжун Мина прозвучал рядом, ровный, как линия горизонта.

Цзян Синчжи повернул голову. Прядь волос отлетела вместе с ним, как крыло птицы.

— Ты не хочешь спросить, откуда я вообще знаю о нём?

— Те вымышленные истории, которые ты рассказывал, могли обмануть только людей из Павильона Циньфэну, — заметил Чжун Мин. — Я к этому привык.

Цзян Синчжи опустил глаза, улыбнулся.

— Брат Бай меня понимает.

Когда-то он считал Бай Му человеком холодным, трудным для общения. Теперь же он понимал, что такой спутник — редкость. Не потому что сильный. А потому что видит правду за каждой ложью, и всё равно идёт рядом, не осуждая, не требуя, а просто находясь рядом.

— Хм, — ответил тот, как всегда невозмутимо.

Цзян Синчжи не обиделся. Вернулся к делу:

— Чтобы открыть тайный мир, нужно выполнить множество условий. Одному мне это не под силу. В ближайшие дни, на пирах у других сект, можно будет аккуратно распустить слухи. Проверить реакцию.

Чжун Мин нахмурился:

— Как объяснишь происхождение этих слухов?

Ведь нельзя же сказать: «Мне приснилось, когда я был одержим». Каждое слово прозвучало бы как безумие.

— А зачем нам нужен повод, если есть причина? — спросил Цзян Синчжи, глядя в закат.

Солнце окрасило его лицо в золото, будто оно действительно излучало божественный свет. Он спокойно и величественно улыбнулся, как тот, кто знает, что говорит правду, даже если она ложь.

— Просто скажем, что эта Лампа явилась в этот мир, чтобы распространить божественное пророчество.

<http://bllate.org/book/15487/1373260>